

Ж.А. Гумерова, П.А. Игрункова

КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В.В. НАБОКОВА)

Статья построена на историко-культурном разборе ряда произведений раннего периода творчества В.В. Набокова в контексте культурного пространства эмигрантской среды. Раскрыта тема духовного одиночества, ностальгии по утраченной родине, показаны отражение в произведениях современных исторических процессов и реакция на них. Делается вывод о том, что в творчестве Набокова актуализируется проблема культурной самоидентификации. Наряду с историческими источниками в работе использованы материалы художественной литературы, что придает статье междисциплинарную направленность.

Ключевые слова: В.В. Набоков; эмиграция; русское зарубежье; культурная идентичность; ностальгия.

В условиях современной России и стран постсоветского пространства вопросы, связанные с поиском национальной идеи, актуализируются и получают новое рождение [1]. Вопрос национальной самоидентификации вставал ребром в наиболее кризисные моменты отечественной истории, в частности в революционное время. Представителям эмигрантской мысли, испытывавшим чувство потери родины, были присущи такие психосоциальные характеристики, как скептицизм и пессимизм, а также выход в интеллектуальной работе на новую аналитическую глубину для отражения причинно-следственных связей меняющихся реалий жизни.

Русская эмиграция 1917–1922 гг. представляла собой во многом уникальное явление: при отсутствии сущностных признаков нации эмигранты из царской России всячески противились культурной ассимиляции в странах пребывания и продолжали считать себя «Россией вне России» [2]. Стремление сохранить свой язык и традиции было характерной чертой российской неоднородной эмиграции первой волны. В реализации этого тезиса важнейшая роль принадлежала национальному самосознанию. В отличие от политического и военного «фронтов», деятельность которых привела лишь к отчуждению, работа в области культуры являлась единственным поприщем, послужившим объединению российской эмигрантской среды [Там же]. Центральное место в духовном наследии русского зарубежья занимали размышления о судьбах Родины, ее историческом предназначении, месте и роли русского народа в мировой культуре.

Владимир Владимирович Набоков принадлежал к этой эмигрантской среде. Писатель нового поколения, отступник русской литературной традиции, он вместе с тем с детских лет читал и любил А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и А. Блока, получил блестящее воспитание, с детства свободно владел тремя языками. Читал в американских университетах, уже будучи известным писателем, курс русской и мировой литературы, который впоследствии был издан отдельной книгой [3]. Опасаясь плохого чужого перевода в будущем, вместе с сыном перевел роман «Лолита» на русский язык [4]. А с началом Второй мировой войны писатель теряет своего русского читателя в Европе, эмигрирует вместе с женой в США и продолжает творчество исключительно на английском языке.

Тематика духовного одиночества – потеря любимой родины – лейтмотивом проходит сквозь всю его творческую жизнь, а герои произведений хранят память об Отчизне. Еще в юности молодому писателю вместе с Россией довелось пережить величайшие исторические потрясения: Первая мировая война, а затем Октябрьская революция с последующей эмиграцией длиною в жизнь. Все это не могло не найти отклика в ранней набоковской прозе. Наполненный одиночеством и печалью рассказ «Письмо в Россию» (1924) – письмо героя-эмигранта из Германии девушке. Образ первой возлюбленной перекликается с образом любви к России. Это предположение также подтверждает первое опубликованное произведение автора – роман «Машенька» (1926), в котором понятие «пространство–время» – русская эмигрантская среда в Берлине – совпадает с уже упомянутым рассказом. Роман был благосклонно, но без особых восхвалений, встречен критикой. О нем писал М. Осоргин в «Современных записках» (назвал его «очень хорошей повестью из эмигрантской жизни» и считал, что мелочи быта особенно удались Набокову) [5. С. 31–32], а журналист и общественный деятель А. Изгоев увидел в «Машеньке» отработанную в XIX в. разновидность романа о русской интеллигенции [6. С. 580]. К слову, эмигрировавший в 1931 г. Е.И. Замятин высоко оценил талант и сразу же объявил Сирина самым большим приобретением эмигрантской литературы [7. С. 190]. Наряду с этими произведениями тема духовного одиночества прослеживается и в более поздних сочинениях Владимира Набокова. Главный герой рассказа «Посещение музея» (1938) в приступе безумства оказывается «не в России своей памяти», а в стране «самделишной, сегодняшней, заказанной [ему], безнадежно рабской и безнадежно родной» [8].

Первоначальный период формирования Набокова как поэта, вплоть до появления первого вышеупомянутого романа «Машенька» (1926), в целом демонстрирует прямолинейную зависимость поэтики от внешних биографических влияний [9. С. 221]. Полтора года Набоков вместе с семьей провел в Крыму, куда они вынуждены были бежать из столицы в ноябре 1917-го и откуда эвакуировались весной 1919 г. Эти месяцы, которые семья провела в имении графини Паниной в Гаспре, дали молодому поэту ощутить «всю боль изгнания» [10. С. 527, 530]. В Кембридж-

ском университете, где Набоков оказался после Крыма, он, будучи «яростно несчастен», как сказал своему биографу Эндрю Филду, страдая от классической формы ностальгии по утраченной родине и утраченной возлюбленной (но одновременно позволяя не тратить себе лишнего времени на учебу, выбрав самый легкий для себя бакалавриат по французской и русской литературе), еще острее почувствовал себя русским поэтом, одиноким изгнаниником [9. С. 222].

Творчество Набокова невозможно назвать идеяным с социально-политической точки зрения. Он был ярым противником идеяности в искусстве, эстетом-формалистом, оттачивавшим свой талант. Но это не означает, что в его работах не было отражения существующей реальности. Немного отступив в сторону, обратимся к такому понятию как «история идей». В свое время Платон противопоставлял идеи миру явлений, ведь сами по себе идеи не являются отражением реальности. Они принадлежат к миру воображаемого и в этом своем качестве обладают способностью изменять реальность. Когда такое вмешательство идей в жизнь приобретает особо крупные размеры, это называют революцией. Русская литература, философия, политическая мысль – не зеркала русской революции, а скорее наоборот: революции совершились в текстах, а оттуда смотрелись в свое историческое отражение, тусклое и всегда неверное [6. С. 592].

По Набокову, фанатическая привязанность к чему-либо – это метафора всех революций. Вообще тема революции непопулярна в творчестве писателя. Пожалуй, особо стоит отметить лишь стихотворение «К свободе», написанное 3 (16) декабря 1917 г. в Гаспре, куда молодой Набоков вместе со своим братом Сергеем бежал из революционного Петрограда. Его необходимо рассматривать контекстуально, как отклик на веховое событие в судьбе молодого поэта.

Наследник литературной традиции поэтов-пророков писатель Иосиф Бродский объяснял литературный успех разных авторов независимой субъектностью языка. Именно так он объяснял и свой собственный успех. Писатель новой эпохи, каковым можно назвать и Набокова, создает свой неповторимый герметичный язык, циркулирующий в рамках метаромана.

Набоковские произведения с течением времени стали общепризнанным достоянием литературы русской диаспоры, русского зарубежья. Роман «Приглашение на казнь» – предтеча постмодерна, образец интертекстуальной прозы, насыщенный аллюзиями на современную автору реальность.

Дата написания романа варьирует: в 1934 г. был окончен черновой вариант текста, в 1935 г. – доведен до ума и лишь в 1938 г. роман был представлен читателю на всеобщее обозрение. Стоит только сопоставить дату написания с актуальными событиями того времени, и становится очевидным факт воплощения реакции писателя на политические события. Роман написан в 1937 г., когда укрепляются, набирая силу, две тоталитарные системы: фашизм и сталинизм. 30 января 1933 г. Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером республики, что означало установление диктатуры партии НСДАП. Приход национал-социалистов к власти ознаменовал падение Веймар-

ской республики и начало эпохи Третьего рейха. Кроме этого, Набоков, разумеется, знал и о наделавших шуму политических процессах в Советском Союзе в начале 1930-х гг., и о правовом произволе советской власти, что, впрочем, талантливо обыгрывается в произведении. Таким образом, роман, сочетающий в себе жанровые черты утопии и антиутопии одновременно, – это жестокий и развенчивающий ответ Набокова на события тоталитарной политики. В этом сюжете Набоков выразил свое понимание сущности тоталитаризма, который требует от человека не просто подчинения, но самозабвенной любви к государству, к своему палачу [3. С. 246, 261]. С другой стороны, в год написания романа у писателя произошло событие, которое едва не свело его с ума: в мае у жены Веры были тяжелые роды долгожданного сына. И именно небывалый творческий взлет помог Набокову отвлечься от тревог за жену и ребенка.

Но есть и метафизическое основание политической утопии: автору «Приглашения на казнь» удалось предсказать мир постмодерна. Для автора эмпатия и культура ставятся выше духа колlettivизма и государственных нужд. В тоталитарных государствах все эти добродетели упразднены. Но главный герой оказывается склонен к рефлексии и самопознанию, его душа и сознание недоступны для карательных органов. «Смерть – рождение души», – утверждает автор в тексте лекции, посвященной «Анне Карениной» [Там же]. Освобождение души от пут власти находится только в смерти (хотя такой финал можно рассматривать двояко, равно как и крушение последних надежд со смертью героя).

У Набокова есть и другой тип героя. Обыватели и пошлики населяют рассказ «Облако, озеро, башня». По сюжету они выбирают одного общего врага и «затаптывают» его, потому что именно этот обряд создает некое ощущение родства и единения. Горожанам, чтобы чувствовать себя «правильно», нужно убить главного героя романа. Жажда сплочения – вот что движет этими людьми. Она может довести толпу до самоубийственного экстаза: стоит вспомнить хотя бы трагедию на Ходынском поле (1896) или всех погибших в давке на похоронах Сталина (1953 г.). На ежегодном поклонении в Мекке (хадж) в давке гибнут десятки, если не сотни паломников.

Потребность к сплочению может привести человека к вступлению в банду, уличную шайку, мафиозный клан. Как правило, это подразумевает разрыв с привычным жизненным укладом. Но жажда слияния с организованным большинством утоляется гораздо легче, если во всем государстве произойдут политические перемены, нацеленные на полное подчинение человека аппарату управления. Таким образом, тоталитарный деспотизм удовлетворяет такую социально необходимую потребность человека, как потребность к групповой самоидентификации [12]. Но мало просто ощущать себя частью чего-то целого, людей должно объединять общее дело. Зачастую им становится война, борьба с внешним или внутренним врагом, что и представлено в уже упомянутом рассказе «Облако, озеро, башня». Историческим примером воплощения этой концепции в жизнь может послужить избиение

армян в Турции в 1915 г., которое до сих пор не признается в этой стране актом геноцида. Гонения и преследования евреев в Германии в 1930-х гг. молодое немецкое поколение встретило с большим энтузиазмом, потому что общая идея и цель отвечали человеческой потребности к единению. В отечественной истории ярким примером такого социального поведения служат жалобы в карательные органы, слежка за «политически ненадежными» и многочисленные доносы на соседей и коллег в советское время, которые приняли новый виток в сталинскую послевоенную эпоху.

Подводя итоги, можно утверждать, что тема ностальгии, многогранно представленная в творчестве Набокова, занимает одно из ведущих мест на пути к пониманию проблемы «лишнего человека», избегающего ассимиляции с новой культурой (на примере эмигрантской диаспоры в европейском обществе). Особенностью культуры русского зарубежья послеоктябрьского периода стало стремление к сохранению и развитию в традициях предшествующего периода, а также отклик на животрепещущие проблемы современности.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумерова Ж.А., Шелехов И.Л. Основные направления исследования русского национального самосознания в XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 39–42.
- Косорукова М.И. Национальная идея и ее роль в развитии русской культуры за рубежами России (20–30-е гг. ХХ века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/natsionalnaya-ideya-i-ee-rol-v-ravzitii-russkoy-kultury-za-rubezhami-rossii> (дата обращения: 04.04.2017).
- Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1998.
- «В руках вредоносного ремесленника русская версия “Лолиты” могла бы полностью выродиться, оказаться испятнанной вульгарными пересказами и промахами. И я решил перевести ее сам»: интервью журналу Playboy, январь 1964. URL: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter03.txt> (дата обращения 27.02.2017).
- Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова : критические отзывы, эссе, пародии. М., 2000.
- Литература русского зарубежья (1920–1940) : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2013.
- Струве Г.П. Русская литература в изгнании. М., 1996.
- Набоков В.В. Посещение музея. URL: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/rasskaz/poseschenie-muzeya.htm> (дата обращения: 04.04.2017).
- Набоков В.В. Стихотворения. СПб., 2001.
- Набоков В.В. Память, говори // Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода. СПб. : Симпозиум, 1999. Т. 5.
- Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html> (дата обращения: 06.04.2017).
- Ефимов И. Жажда сплочения // Нева. 2016. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2016/10> (дата обращения: 06.04.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 февраля 2018 г.

CULTURAL SELF-IDENTIFICATION OF POST-REVOLUTIONARY EMIGRATION ON THE EXAMPLE OF V.V. NABOKOV'S WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 93–96.

DOI: 10.17223/15617793/431/12

Zhanna A. Gumerova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janet80@inbox.ru

Polina A. Igrunkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polina7991@mail.ru

Keywords: V.V. Nabokov; emigration; cultural identity; nostalgia; Russian emigre community.

The aim of the article is to find out the characteristics of Nabokov's cultural identity, to determine whether he has the values of perception that representatives of the emigrant thought had. The source of the material for the article is the Russian-language prose and literary studies of the writer of the early period of his creative work. The article presents an analysis of this source in the historical and cultural context. It was indicated that the theme of spiritual loneliness finds an echo in Nabokov's prose. It shows itself in the letter of an emigrant hero to a girl, whose image echoes the image of love for Russia (“A Letter That Never Reached Russia”), a description of the Russian emigrant environment in Berlin (“Mary”), the nostalgia of the protagonist for the lost homeland in the story “The Visit to the Museum”. The initial period of Nabokov's formation as a poet demonstrates the direct dependence of his poetics on external biographical influences – his get-away from Petrograd and evacuation from Crimea caused a sense of exile. Special attention was paid to the problem of reflecting the realities of time in Nabokov's works. It is noted that Nabokov's works are not ideological from the socio-political point of view. The writer was an ardent opponent of ideology in art, he was a formalist aesthete. But this does not mean that there was no reflection of the existing reality in his works. In particular, the dystopian novel *Invitation to a Beheading* is full of allusions to the contemporary reality; it represents the writer's reaction to the contemporary events. This is a cruel and debunking response to the events of totalitarian politics. The novel also contains a metaphysical basis: empathy and culture are placed above the collectivism spirit and state needs. The central character is prone to reflection and self-knowledge. His soul and consciousness are inaccessible to punitive bodies. Another type of Nabokov's character is a philistine and a vulgar, feeling thirst for merging with an organized majority. It is not enough just to feel like part of something whole; a common cause should unite people. It can be a war, a struggle with an external or internal enemy, which is represented in the story “Cloud, Castle, Lake”. The article gives historical examples of the implementation of this concept into practice. Thus, the theme of nostalgia, multilaterally represented in Nabokov's work, occupies one of the leading places in understanding the problem of a “superfluous man” who avoids assimilation with a new culture (through the example of the emigrant expat in the European society). There is a trace of the desire to preserve cultural identity in the writer's works, as well as a deep analysis of the realities of life. In this regard, V.V. Nabokov's works contain certain features of the culture of the Russian emigre community of the after-October period.

REFERENCES

1. Gumerova, Zh.A. & Shelekhov, I.L. (2016) The study of Russian national consciousness: basic approaches in the 20th and 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 403. pp. 39–42. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/7
2. Kosorukova, M.I. (2004) *Natsional'naya ideya i ee rol' v razvitiu russkoy kul'tury za rubezhami Rossii (20–30-e gg. XX veka)* [The national idea and its role in the development of Russian culture abroad of Russia (1920s–1930s)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/natsionalnaya-ideya-i-ee-rol-v-razvitiu-russkoy-kultury-za-rubezhami-rossii>. (Accessed: 04.04.2017).
3. Nabokov, V.V. (1998) *Lektsii po russkoy literaturе* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
4. Playboy. (1964) Nabokov's interview. [Online] Available from: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter03.txt>. (Accessed: 27.02.2017).
5. Mel'nikova, N.G. (ed.) (2000) *Klassik bez retushi: literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, esse, parodii* [A classic without retouching: the literary world about the works of Vladimir Nabokov: critical reviews, essays, parodies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Averin, B.V., Karpov, N.A. & Titarenko, S.D. (eds) (2013) *Literatura russkogo zarubezh'ya (1920–1940)* [Literature of the Russian Abroad (1920–1940)]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University.
7. Struve, G.P. (1996) *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Moscow: Russkiy put'.
8. Nabokov, V.V. (1938) *Poseshchenie muzeya* [Visiting a museum]. [Online] Available from: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/rasskaz/poseschenie-muzeya.htm>. (Accessed: 04.04.2017).
9. Nabokov, V.V. (2001) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Feniks.
10. Nabokov, V.V. (1999) Pamyat', govori [Speak, Memory]. In: *Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda* [Collected American period works]. Translated from English. Vol. 5. St. Petersburg: Simpozium.
11. Etkind, A. (2001) Novyy istorizm, russkaya versiya [New historicism, Russian version]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer.* 47. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html>. (Accessed: 06.04.2017).
12. Efimov, I. (2016) Zhazhda splocheniya [The thirst for connection]. *Neva.* 10. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/neva/2016/10>. (Accessed: 06.04.2017).

Received: 26 February 2018